От редакции

Шарль Луи Монтескье – *(1689 – 1755) – французский философ-просветитель, политический мыслитель, социолог и историк, один из основоположников школы географического детерминизма. За свои взгляды многократно подвергался критике со стороны различных мыслителей, особенно в советское время приверженцами марксизма.*

Географический детерминизм и в самом деле весьма уязвим в теоретическом отношении: на особенности национальной психологии и развитие народов влияют многие факторы – исторические, культурные, политические, экономические, коммуникативные и т.д. Однако сбрасывать со счетов влияние природной среды, климата, особенности географического положения не менее ненаучно, чем некритически все сводить к ним. Иначе все редуцируется к какой-либо другой форме детерминизма – экономической, социокультурной, политической и т.д. Но если в наши дни развитие разных народов происходит на относительно общих технологических основаниях, то в прошлом наблюдаются огромные различия в характере и уровне общественного прогресса на Западе и Востоке, Севере и Юге, а также на уровне отдельных стран. Эти различия, возможное нивелирование которых скрыто за очень далекими горизонтами и дымкой будущего, могут быть поняты среди прочего и с помощью объяснительных конструкций географического детерминизма.

В свете современных геополитических представлений, отношений и «игр» последних десятилетий факторы среды, климата, расположения страны, выходов к морю, природных ресурсов или их отсутствия приобретают вовсе не риторическое значение. В связи с этим редакция вестника «Социология власти» считает необходимым опубликовать некоторые фрагменты труда Монтескье «О духе законов», впервые увидевшего свет в 1748 г. Эти фрагменты могут быть также полезны в контексте современных императивов, ориентирующих Россию на строительство правового государства.

Шарль Луи МОНТЕСКЬЕ

О ДУХЕ ЗАКОНОВ [1]

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

О законах в их отношении к свойствам климата

ГЛАВА I

Общая идея

Если справедливо, что характер ума и страсти сердца чрезвычайно различны в различных климатах, то законы должны соответствовать и различию этих страстей, и различию этих характеров.

ГЛАВА II

Насколько люди различны в различных климатах

Холодный воздух производит сжатие окончаний внешних волокон нашего тела, отчего напряжение их увеличивается и усиливается приток крови от конечностей к сердцу. Он вызывает сокращение этих мышц и таким образом еще более увеличивает их силу. Наоборот, теплый воздух ослабляет наружные волокна, растягивает их и, следовательно, уменьшает их силу и упругость.

Поэтому в холодных климатах люди крепче. Деятельность сердца и реакция окончаний волокон там совершаются лучше, жидкости находятся в большем равновесии, кровь энергичнее стремится к сердцу, и сердце в свою очередь обладает большей силой. Эта большая сила должна иметь немало последствий, каковы, например, большее доверие к самому себе, т.е. большее мужество, большее сознание своего превосходства, т.е. меньшее желание мстить, большая уверенность в своей безопасности, т.е. больше прямоты, меньше подозрительности, политиканства и хитрости. Поставьте человека в жаркое замкнутое помещение, и он по вышеуказанным причинам ощутит очень сильное расслабление сердца. И если бы при таких обстоятельствах ему предложили совершить какой-нибудь отважный поступок, то, полагаю, он выказал бы очень мало расположения к

[1] Публикуется с сокращениями по: *Монтескье Ш.* Избранные произведения / Под общ. ред. М.П. Баскина. М.: Политиздат, 1955. С. 350 –361, 410 –432.

этому. Расслабление лишит его душевной бодрости, он будет бояться всего, потому что будет чувствовать себя ни к чему не способным. Народы жарких климатов робки, как старики; народы холодных климатов отважны, как юноши. Обратив внимание на последние войны[92], которые по своей близости к нам позволяют подметить некоторые легкие и незаметные издали влияния, мы увидим, что народы севера, сражаясь в южных странах, не совершили там таких прекрасных подвигов, как их соотечественники, которые, сражаясь в своем родном климате, обладали всем своим мужеством.

Благодаря силе своих мышц народы севера извлекают из пищи самые грубые соки. Отсюда два последствия: во-первых, частицы лимфы вследствие их значительного размера крепче утверждаются в волокнах и лучше питают их, во-вторых, по причине своей грубости они менее способны придавать некоторую остроту нервному соку, поэтому у этих народов будут крупные тела и мало живости.

Нервы, которые со всех сторон примыкают к нашей кожной ткани, соединены в нервные пучки. Обыкновенно возбуждается не весь нерв, а лишь бесконечно малая часть его. В жарких климатах, где кожная ткань ослаблена, концы нервов развернуты и доступны самому слабому действию самых ничтожных предметов. В холодных странах кожная ткань сокращена, бугорки ее сжаты и малые нервные клеточки как бы парализованы; впечатление доходит до мозга лишь в том случае, если оно чрезвычайно сильно и овладевает всем нервом целиком. Но известно, что воображение, вкус, чувствительность и живость зависят от восприимчивости к бесконечному множеству малых впечатлений <…>

В холодных климатах чувствительность человека к наслаждениям должна быть очень мала, она должна быть более значительна в странах умеренного климата и чрезвычайно сильна в жарких странах. Подобно тому как различают климаты по градусам широты, их можно было бы различать, так сказать, и по степеням чувствительности людей. Я видел оперы в Италии и Англии: те же были пьесы и те же актеры, но одна и та же музыка производила на людей обеих наций столь различное впечатление, так мало волновала одну и приводила в такой восторг другую, что все это казалось непонятным.

Так обстоит дело и с ощущением боли: она возбуждается в нас разрывом волокон нашего тела. Создатель природы устроил так, что боль ощущается тем сильнее, чем значительнее эти разрывы. Но очевидно, что массивные тела и грубые волокна народов севера способны подвергаться такому расстройству менее, чем нежные волокна народов жарких стран, душа их поэтому менее чувствительна к ощущению боли. Чтобы пробудить в московите чувствительность, надо с него содрать кожу.

При такой нежности органов людей жарких стран душа их в высшей степени восприимчива ко всему, что связано с соединением обоих полов; там все ведет к этому предмету.

В северном климате физическая сторона любви едва ощущается с достаточной силой; в умеренном климате любовь, сопровождаемая бесчисленными аксессуарами, прельщает разными приманками, которые кажутся любовью, хотя на самом деле все это еще не любовь; в более жарком климате любовь любят ради нее самой, там она единственная причина счастья, там она сама жизнь.

В южных странах организм нежный, слабый, но чувствительный, предается любви, которая беспрерывно зарождается и удовлетворяется в гареме, а при более независимом положении женщин связана со множеством опасностей. В северных странах организм здоровый, крепко сложенный, но тяжеловесный, находит удовольствие во всякой деятельности, которая может расшевелить душу: в охоте, странствованиях, войне к вине. В северном климате вы увидите людей, у которых мало пороков, немало добродетелей и много искренности и прямодушия. По мере приближения к югу вы как бы удаляетесь от самой морали: там вместе с усилением страстей умножаются преступления, и каждый старается превзойти других во всем, что может благоприятствовать этим страстям. В странах умеренного климата вы увидите народы, непостоянные в своем поведении и даже в своих пороках и добродетелях, так как недостаточно определенные свойства этого климата не в состоянии дать им устойчивость.

В климате чрезмерно жарком тело совершенно лишается силы. Тогда расслабление тела переходит и на душу: такой человек ко всему равнодушен, не любопытен, не способен ни на какой благородный подвиг, ни на какое проявление великодушия, все его склонности приобретают пассивный характер, лень становится счастьем, там предпочитают переносить наказания, чем принуждать себя к деятельности духа, и рабство кажется более легким, чем усилия разума, необходимые для того, чтобы самому управлять собою.

ГЛАВА III

Противоречия в характере некоторых южных народов

Индийцы от природы лишены мужества. Даже европейцы, рожденные в Индии, утрачивают мужество, свойственное европейскому климату. Но как совместить с этим их жестокость, их обычаи и варварские наказания? Мужчины там подвергают себя невероятным мукам, а женщины сами себя сжигают: вот сколько силы при такой слабости.

Природа, которая дала этим людям слабость, делающую их робкими, наделила их вместе с тем столь живым воображением, что все поражает их сверх меры. Та же самая чувствительность органов, которая заставляет их бояться смерти, заставляет их страшиться многого более смерти. И та же самая чувствительность, которая заставляет их избегать опасностей, дает им силу презирать эти опасности.

Подобно тому, как хорошее воспитание более необходимо для детей, чем для людей зрелого ума, народы этих климатов более нуждаются в мудрых законодателях, чем пароды нашего климата. Чем люди впечатлительнее, тем важнее, чтобы получаемые ими впечатления были правильными, чтобы они не усваивали предрассудков и чтобы ими руководил разум.

Во времена римлян народы Северной Европы жили без ремесел, без воспитания и почти без законов; и тем не менее благодаря одному лишь здравому рассудку, связанному с грубыми волокнами тела жителей этих климатов, они с удивительной мудростью противостояли римскому могуществу и, наконец, вышли из своих лесов, чтобы разрушить его.

ГЛАВА IV

Причина неизменяемости религии, нравов, обычаев и законов в странах Востока

Если к этой нежности органов, благодаря которой народы Востока получают самые сильные в мире впечатления, вы присоедините некоторую леность ума, естественно, связанную с такою же ленью тела, что делает их неспособными ни к какому подвигу, ни к какому усилию, ни к какому самообладанию, вы поймете, почему душа их, раз восприняв те или иные впечатления, не может уже более изменить их. Вот отчего законы, нравы и обычаи, относящиеся даже к таким, невидимому, безразличным вещам, как одежда, остаются и теперь на Востоке такими, какими они были тысячу лет тому назад.

ГЛАВА V

О том, что дурные законодатели – это те, которые поощряли пороки, порожденные климатом, а хорошие – те, которые боролись с этими пороками

Индийцы полагают, что покой и небытие составляют основу и конец всего существующего. Таким образом, полное бездействие является для них самым совершенным состоянием и главным предме-

том их желаний. Они дают верховному существу название неподвижного. Жители Сиама считают, что высшее блаженство состоит в том, чтобы не быть обязанным приводить в движение свое тело.

В этих странах, где чрезмерная жара обессиливает и подавляет людей, покой доставляет такое наслаждение, а движение так тягостно, что эта метафизическая система кажется вполне естественной. Будда, законодатель Индии, следовал внушению собственных чувств, рекомендуя людям состояние полной пассивности; но его учение, порожденное созданной климатом ленью и в свою очередь поощряющее эту лень, причинило неисчислимое зло.

Законодатели Китая[93] проявили более здравого смысла: имея в виду не то состояние покоя, к которому некогда придут люди, а ту деятельность, которая им необходима для выполнения житейских обязанностей, они дали своей религии, своей философии и своим законам чисто практическое направление. Чем более физические причины склоняют людей к покою, тем более должны удалять их от него причины моральные.

ГЛАВА VI

О земледелии в жарких климатах

Земледелие – самый важный труд людей. Чем более климат побуждает их избегать этого труда, тем более должны поощрять их к нему религия и законы. Поэтому законы Индии, которые отдают земли государям и лишают частных лиц духа собственности, усиливают неблагоприятное влияние климата, т.е. производимую им леность.

ГЛАВА VII

О монашестве

Такое же зло производит там и монашество. Оно родилось в жарких странах Востока, где люди более склонны к созерцанию, чем к деятельности.

В Азии количество дервишей, или монахов, видимо возрастает по мере того, как климат становится более жарким; Индия, где жара достигает своего предела, переполнена ими. То же соотношение наблюдается и в Европе.

Чтобы победить внушаемую климатом лень, законы должны были бы лишить людей всякой возможности жить не работая. Но на юге Европы они действуют в обратном направлении: они ставят людей,

желающих быть праздными, в положение, благоприятствующее созерцательной жизни, и связывают с этим положением огромные богатства. Эти люди, живя в таком изобилии, которое даже тяготит их, естественно, уделяют свои излишки простому народу. Последний утратил собственность; они вознаграждают его за это возможностью наслаждаться праздностью; и он в конце концов начинает любить даже свою нищету.

ГЛАВА VIII

Хороший китайский обычай

В описаниях Китая рассказывается о ежегодно совершаемой императором церемонии открытия земледельческих работ. Цель этого публичного и торжественного акт – побудить народ заниматься земледелием.

Сверх того, императора каждый год извещают о наиболее отличившемся в своем занятии земледельце, которого он и производит в мандарины восьмого разряда.

У древних персов ежегодно в восьмой день месяца *chorrem ruz* государи покидали свои пиршества, чтобы разделять пищу с пахарями. Все это превосходные установления для поощрения земледелия.

ГЛАВА IX

Способы поощрения промышленности

В книге девятнадцатой я покажу, что ленивые нации обыкновенно отличаются тщеславием. Можно было бы обратить следствие против его причины и бороться с ленью посредством тщеславия. На юге Европы, где народы так чувствительны к почестям, следовало бы назначать премии наиболее отличившимся в своем деле земледельцам и ремесленникам. Эта мера хороша даже для всякой страны. В наши дни она способствовала учреждению в Ирландии одной из самых значительных во всей Европе мануфактур полотна.

ГЛАВА X

О законах, относящихся к трезвости народов

В жарких странах водянистая часть крови сильно улетучивается вследствие испарины, и ее нужно восполнять подобною же жидко-

стью. Поэтому вода там в большом употреблении; крепкие же напитки произвели бы там сгущение кровяных шариков, которые остаются после испарения водянистых частей крови.

В холодных странах водянистая часть крови испаряется слабо, она остается в крови в изобилии, поэтому там можно употреблять спиртные напитки, не опасаясь сгущения крови. Там тела переполнены влагой, и крепкие напитки, усиливающие движение крови, не будут неуместны.

Закон Магомета, запрещающий пить вино, является, таким образом, законом самого климата Аравии; известно, что вода и до Магомета была обычным напитком арабов. Карфагенский закон, запрещавший употребление вина, был тоже законом климата; и в самом деле, обе эти страны имеют почти одинаковый климат.

Подобный закон не годился бы для холодных стран, где в силу климата развивается некоторое национальное пьянство, сильно отличающееся от пьянства отдельного лица. Пьянство распространено по всей земле в прямом отношении к холоду и сырости климата. Двигаясь от экватора к нашему полюсу, вы увидите, что пьянство возрастает вместе с градусами широты. Двигаясь от экватора к полюсу, противоположному нашему, вы увидите, что тут оно возрастает в направлении к югу, подобно тому как там возрастало в направлении к северу.

Естественно, что там, где употребление вина противно климату, а следовательно, и здоровью, злоупотребление им наказывается строже, чем в странах, где дурные последствия пьянства не велики как для личности, так и для общества и где оно только дурманит людей, а не делает их свирепыми. Поэтому закон, каравший пьяного человека и за совершенный им проступок, и за его пьянство, касался только его личного, а не национального пьянства. Немец напивается по обычаю, испанец — по личному желанию.

В жарких странах вследствие расслабленного состояния волокон происходит сильное выделение жидкостей посредством испарения, но твердые части тела сохраняются лучше. Волокна, действующие вяло и с малым напряжением, почти не изнашиваются, и требуется немного питательных соков для их восстановления; поэтому люди там очень умеренны в пище.

От различия в потребностях, порождаемого различием климатов, происходит различие в образе жизни, а от различия в образе жизни — различие законов. Для народа, у которого существует большое общение между людьми, нужны одни законы, для народа, у которого такого общения нет, — другие.

ГЛАВА XI

О законах, имеющих отношение к болезням, порождаемым климатом

Геродот говорит, что законы евреев о проказе были заимствованы ими у египтян. В самом деле, одинаковые болезни требуют одинаковых лекарств. Эти законы были неизвестны грекам и первым римлянам, так же как и сам вызвавший их недуг. Климат Египта и Палестины сделал их необходимыми, а легкость, с которой распространяется эта болезнь, служит нам достаточным доказательством предусмотрительности и мудрости этих законов.

Мы и сами испытали их действие. Крестовые походы занесли к нам проказу, а благоразумные меры, принятые против нее, не дали ей распространиться в массе народа.

Из законов лангобардов видно, что эта болезнь была распространена в Италии до крестовых походов и обратила там на себя внимание законодателей. Ротарь повелел, чтобы прокаженный, изгнанный из своего дома и удаленный в особое место, был лишен права распоряжаться своим имуществом, так как с того момента, как его выбросили из его дома, он уже считался умершим. Чтобы устранить всякое общение с прокаженными, их лишали гражданских прав.

Я думаю, что эта болезнь была занесена в Италию завоеваниями греческих императоров, в войсках которых могли быть отряды из Палестины или Египта. Как бы то ни было, дальнейшее ее распространение было остановлено до времени крестовых походов.

Говорят, что солдаты Помпея, возвратившись из Сирии, принесли оттуда болезнь, весьма сходную с проказой. Не сохранилось никаких сведений о принятых против нее мерах, но надо полагать, что такие меры были, так как эта болезнь была приостановлена до времен лангобардов.

Два века тому назад болезнь, неизвестная нашим отцам, проникла из Нового Света в наш и стала поражать человеческую природу в самом источнике жизни и наслаждений. Большая часть самых знатных фамилий юга Европы погибла от пагубного недуга, который стал до того обычным, что его уже перестали стыдиться. Упрочила эту болезнь жажда золота, за которым люди постоянно устремлялись в Америку, принося оттуда все новые и новые семена заразы.

Благочестивое нравственное чувство требовало сохранения этой кары за преступление, но бедствие проникло в недра брака и заразило даже детей.

Поскольку мудрость законодателей должна охранять здоровье граждан, было бы весьма благоразумно остановить распространение заразы посредством законов, составленных по образцу законов Моисеевых.

Чума производит свои опустошения еще быстрее и внезапнее. Главный источник ее находится в Египте, откуда она распространяется по всему свету. Большая часть государств Европы приняла очень хорошие меры, чтобы не допустить ее к себе, и в наше время найдено превосходное средство остановить ее распространение: зачумленная область оцепляется войсками, которые делают невозможным всякое сообщение с нею.

Турки, которые не принимают никаких мер против чумы, видят, как в одном и том же городе христиане избегают опасности, а они одни погибают. Они покупают одежды зачумленных, носят их и не изменяют обычного образа жизни. Учение о неумолимой судьбе, которая всем управляет, обращает правителя в невозмутимого зрителя; он думает, что бог уже сделал все, что нужно, и ему больше нечего делать <…>

ГЛАВА XIII

Следствия, вытекающие из климата Англии

Для нации, у которой порождаемая климатом болезнь удручает душу до такой степени, что поселяет в ней отвращение ко всему на свете, вплоть до самой жизни, для людей, которым все стало невыносимо, – наиболее подходящим образом правления был бы тот, при котором они не могли бы возлагать вину за свое несчастье на одно лицо, при котором страной управляют не столько люди, сколько законы, и потому для изменения государственного строя пришлось бы ниспровергать самые законы.

И если бы при этом та же нация получила от климата некоторую нетерпеливость характера, которая не позволяла бы ей долго терпеть однообразие, то очевидно, что образ правления, о котором мы только что говорили, оказался бы для нее еще более подходящим.

Эта нетерпеливость характера сама по себе еще не имеет большого значения, но в соединении с мужеством она может стать великим благом.

Она не похожа на ту легкость, с которой люди принимаются за дела неизвестно зачем и оставляют их неизвестно почему. Она ближе к настойчивости, потому что порождается таким живым ощущением зла, которое не притупляется даже привычкой терпеть его.

Такой характер у народа свободного был бы очень большим препятствием для происков тирании, действия которой обыкновенно бывают столь же вялы и медлительны при ее начале, как они быстры и решительны в конце, которая начинает помогать одной рукой для того, чтобы вслед затем угнетать всем бесчисленным множеством своих рук.

Порабощению всегда предшествует усыпление. Но народ, который не знает покоя ни в каком положении, который постоянно как бы ощупывает себя, обнаруживая все свои больные места, такой, народ не может поддаться сну.

Политика – беззвучная пила, которая незаметно совершает свою работу и медленно достигает своей цели. Но люди, о которых мы только что говорили, не были бы в состоянии выдержать медлительность, мелочность хладнокровных переговоров; тут они нередко оказывались бы слабее всякой другой нации и могли бы утратить посредством своих трактатов то, что приобрели своим оружием.

ГЛАВА XIV

Другие следствия климата

Наши отцы – древние германцы – жили в климате, где страсти людей не были бурными. В своих законах они принимали вещи такими, какими видели их, не давая простора собственной фантазии. Судя об обидах, нанесенных мужчинам, по величине полученных им ран, они с той же простотой оценивали и обиды, нанесенные женщинам. Очень своеобразен в этом отношении закон аллеманов. За обнажение головы женщины надо было платить штраф в шесть солидов, за обнажение ее ноги до колена – столько же и вдвое больше – за обнажение выше колена. Кажется, закон измерял величину оскорбления, нанесенного женщине, так, как измеряют величину геометрической фигуры; он наказывал не преступление воображения, а преступление глаз. Но когда одна из германских наций переправилась в Испанию, климат этой страны внушил ей совсем иные законы. Закон вестготов позволял медикам пускать кровь свободнорожденной женщине только, в присутствии ее отца или матери, брата, сына или дяди. Воображение народов воспламенилось, а от него разгорелось и воображение законодателей; закон стал подозревать во всем народ, который сам был способен все заподозрить.

Поэтому законы эти отнеслись с величайшим вниманием к поведению обоих полов. Но, судя по установленным ими наказаниям, они,

кажется, стремились более удовлетворять требования личной мести, чем требования общественной мести. Так, в большинстве случаев они отдавали обоих виновных в рабство родителям или оскорбленному супругу. Свободнорожденная женщина, отдавшаяся женатому человеку, предоставлялась в полное распоряжение его супруги. Эти законы обязывали рабов связать и привести к мужу женщину, застигнутую ими во время прелюбодеяния. Они разрешали детям этой женщины обвинять свою мать и подвергать ее рабов пытке, для того чтобы уличить ее. Поэтому эти законы были более пригодны для утонченной разработки определенного вопроса чести, чем для должной охраны нравов. И не надо удивляться, если граф Юлиан полагал, что оскорбление подобного рода требовало гибели его отечества и его короля. Нет ничего удивительного и в том, что при подобном состоянии нравов мавры так легко смогли поселиться в Испании, удержаться там и замедлить падение своей империи.

ГЛАВА XV

О влиянии климата на доверие законодателей к народу

Японский народ обладает таким свирепым характером, что его законодатели и правители не могли питать к нему никакого доверия. Они говорят ему только о судьях, угрозах и наказаниях. Японец и шагу не может ступить без полицейского надзора, Эти законы, которые из пяти глав семейства ставят одного как бы правителем над четырьмя прочими, эти законы, которые за одно преступление карают всю семью или целый квартал, эти законы, для которых нет невинных там, где, может быть, имеется один виноватый, – эти законы созданы для того, чтобы люди не доверяли друг другу, чтобы каждый следил за поведением другого и был для него сыщиком, свидетелем и судьей.

Индийский народ, напротив, кроток, нежен и сострадателен, поэтому его законодатели выказали к нему большое доверие. Они установили немного наказаний и притом не очень строгих и не со всей строгостью применяемых. Они поручили племянников дядям и сирот – опекунам, как у других поручают детей их отцам; они основали право наследования на признании наследника достойным. Кажется, что они думали, что каждый гражданин должен полагаться на природные добрые качества прочих граждан.

Они охотно отпускают на волю своих рабов, они женят их, они обращаются с ними, как со своими детьми. Счастливый климат, который порождает чистые нравы и производит кроткие законы! <…>

КНИГА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

О законах в их отношении к основным началам,
образующим общий дух, нравы и обычаи народа <…>

ГЛАВА IV

Что такое общий дух

Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа.

Чем более усиливается в народе действие одной из этих причин, тем более ослабляется действие прочих. Над дикарями властвуют почти исключительно природа и климат, китайцами управляют обычаи, в Японии тираническая власть принадлежит законам, над Лакедемоном в былое время господствовали нравы, принципы правления и нравы старины господствовали в Риме.

ГЛАВА V

О том, как важно избегать всего, что может изменить общий дух нации

Если бы на свете был народ с общительным нравом, открытым сердцем, веселым характером, одаренный вкусом и способностью легко сообщать свои мысли; если бы это был народ живой, приятный, веселый, иногда ветреный, часто нескромный, и если бы при этом он обладал мужеством, великодушием и определенными понятиями о чести, то не следовало бы стеснять законами его обычаев, чтобы не стеснить и его добродетелей. Если характер в целом хорош, то не беда, если в нем оказываются и некоторые недостатки.

У такого народа можно было бы обуздать женщин, создать законы для исправления их нравов и ограничения их роскоши; но почем знать, не утратил ли бы он от этого тот вкус, который является источником его богатства, и ту вежливость, которая привлекает к нему иностранцев?

Законодатель должен сообразоваться с народным духом, поскольку этот дух не противен принципам правления, так как лучше всего мы делаем то, что делаем свободно и в согласии с нашим природным гением.

Внушите дух педантизма народу, веселому по своей природе, – и государство ничего не выиграет от этого ни для своего внешнего, ни

для своего внутреннего благополучия. Не мешайте же этому народу серьезно заниматься пустяками и весело – серьезными делами.

ГЛАВА VI

О том, что не все следует исправлять

Оставьте нас такими, каковы мы есть, сказал один дворянин, принадлежащий к нации, очень похожей на ту, которую мы только что описали. Природа все исправляет. Она наделила нас живостью, способной оскорблять и нарушать все правила приличия, но это исправляется в нас вежливостью, которую порождает та же самая живость, внушающая нам склонность к общежитию и в особенности к женскому обществу.

Оставьте нас такими, каковы мы есть. Наши нескромные качества в соединении с нашей незлобивостью делают непригодными для нас законы, подавляющие дух общительности <…>

ГЛАВА VIII

Последствия духа общительности

Чем более народы общаются друг с другом, тем легче они изменяют свои обычаи, так как они чаще видят друг друга и лучше замечают особенности отдельных лиц. Климат, возбуждающий в народе потребность общения, возбуждает в нем также и жажду перемен, а то, что вызывает в народе жажду перемен, формирует также и его вкус.

Общество женщин портит нравы и формирует вкус. Желание нравиться более, чем другие, порождает наряды, а желание нравиться более, чем можешь сам по себе, порождает моды. Моды же – дело очень важное. Чем прихотливее становится ум людей, тем более умножают они отрасли своей торговли.

ГЛАВА IX

О тщеславии и гордости народов

Тщеславие служит для правительства настолько же полезной пружиной, насколько гордость – опасной. Достаточно только представить себе, с одной стороны, бесчисленные блага, вытекающие из тщеславия: отсюда рождаются роскошь, промышленность, искусство, моды, вежливость, вкус; с другой стороны, вспомним бесчисленное множество зол, порождаемых гордостью некоторых пародов:

леность, бедность, пренебрежение всем, истребление народов, случайно оказавшихся под их властью, и даже разрушение своей собственной нации. Леность порождается гордостью, труд – следствие тщеславия. Гордость заставляет испанца не работать; тщеславие побуждает француза научиться работать лучше других.

Всякий ленивый народ отличается важностью, ибо те, кто не работает, считают себя как бы владыками тех, кто работает.

Изучите все народы, и вы увидите, что у большинства их важность, гордость и лень идут рука об руку.

Народы Ахима горды и ленивы: у кого нет рабов, тот нанимает раба хотя бы для того только, чтобы он прошел с ним сотню шагов и пронес две кружки риса; эти люди сочли бы за бесчестие нести их сами.

Есть много мест на земле, где люди отращивают себе ногти в знак того, что они не работают.

Индийские женщины считают для себя стыдом учиться читать. Это, говорят они, дело рабов, поющих гимны в пагодах. В одной касте женщины не прядут; в другой – делают только корзины и циновки и даже не могут толочь рис; в третьей – они не должны ходить за водой. Гордость установила свои правила и заставляет следовать им. Нет надобности говорить, что нравственные качества производят различные действия в зависимости от других качеств, с которыми они связаны. Так, гордость в сочетании с безмерным честолюбием, возвышенными понятиями и т.д., произвела у римлян всем известные последствия.

ГЛАВА X

О характере испанцев и китайцев

Различные характеры народов являются смесью добродетелей и пороков, хороших и дурных качеств. Есть счастливые смешения, производящие много добра, часто неожиданного, есть и такие, которые столь же неожиданно производят много зла.

Честность испанцев славилась во все времена. Юстин говорит нам о верности, которую они проявляют, охраняя вверенное им добро. Они часто жертвовали жизнью, чтобы сохранить его в тайне. Эту верность они сохранили доныне. Все народы, ведущие торговлю в Кадиксе, доверяют свое состояние испанцам и никогда в этом не раскаивались. Но это прекрасное качество в соединении с их ленью образует сочетание, имеющее вредные для них последствия: народы Европы ведут у них на глазах всю торговлю их монархии.

Характер китайцев представляет собой другую смесь, противоположную характеру испанцев. Необеспеченность существования раз-

вивает в китайцах поразительное трудолюбие и такую чрезмерную жажду стяжания, что ни одна торговая нация не может им довериться. Эта общеизвестная их нечестность сохранила за ними японскую торговлю. Ни один европейский купец не решился попытаться вести ее от их имени, несмотря на то, что их северные приморские области представляли для этого большие удобства.

ГЛАВА XI

Размышление

Все это я сказал отнюдь не для того, чтобы уменьшить бесконечное расстояние между пороками и добродетелями: избави бог! Я хотел только объяснить, что не все политические пороки являются пороками нравственными и что не все пороки нравственные являются пороками политическими. Это всегда должны иметь в виду те, кто издает законы, противные общему духу.

ГЛАВА XII

О нравах и обычаях в деспотическом государстве

Один из основных принципов деспотического государства состоит в том, что там никогда не следует изменять нравы и обычаи. Ничто скорее этого не вызовет там революции. Причина тут в том, что в этих государствах, так сказать, совсем нет законов. Там есть только нравы и обычаи, разрушив их, вы разрушите все.

Законы издаются, а нравы внушаются; последние более зависят от общего духа, а первые – от отдельных учреждений; но извращать общий дух столь же и даже более опасно, чем изменять отдельные учреждения.

Люди менее общаются друг с другом в странах, где каждый и как начальник, и как подчиненный проявляет произвольную власть и страдает от нее, чем в тех странах, где свобода господствует во всех сословиях. Поэтому нравы и обычаи там менее изменяются, а наиболее укоренившиеся обычаи приближаются к законам. Государю или законодателю приходится там нарушать нравы и обычаи в меньшей степени, чем в любой другой стране мира.

Женщин там обыкновенно держат взаперти, и они не имеют никакого влияния. В других странах, где они живут в обществе мужчин, их желание нравиться, а также желание мужчин нравиться им производят постоянные перемены в обычаях. Оба пола портятся и утрачивают

свои отличительные и существенные качества; то, что было непреложным, становится произвольным, и обычаи изменяются с каждым днем.

ГЛАВА XIII

Обычаи китайцев

Но где обычаи неистребимы, так это в Китае. Там женщины совершенно изолированы от мужчин, а нравы и обычаи преподаются в школах. Там ученого узнают по непринужденности его поклона. Эти обычаи, раз навсегда принятые за правила важными учеными, укореняются там в качестве основных начал нравственности и уже более не изменяются.

ГЛАВА XIV

Каковы естественные средства изменения нравов и обычаев народа

Мы сказали, что законы являются частными и точно определенными установлениями законодателя, а нравы и обычаи – установлениями народа в целом. Отсюда следует, что тот, кто желает изменить нравы и обычаи, не должен изменять их посредством законов: это показалось бы слишком тираническим; лучше изменять их посредством внедрения иных нравов и иных обычаев.

Итак, государь, который пожелает произвести большие перемены в своем народе, должен преобразовать посредством законов то, что установлено законами, и изменять посредством обычаев то, что установлено обычаями. Изменять же посредством законов то, что должно быть изменено посредством обычаев, – очень дурная политика.

Закон, обязывавший московитов брить бороду и укорачивать платье, и насилие Петра I, приказывавшего обрезать до колен длинные одежды каждого, кто входил в город, были порождением тирании. Есть средства бороться с преступлениями: это наказания; есть средства для изменения обычаев: это примеры.

Легкость и быстрота, с которыми этот народ приобщился к цивилизации, неопровержимо доказали, что его государь был о нем слишком дурного мнения и, что его пароды вовсе не были скотами, как он отзывался о них. Насильственные средства, которые он употреблял, были бесполезны: он мог бы достигнуть своей цели и кротостью.

Он и сам видел, как легко совершались эти перемены. Женщины были затворницами и в известном смысле рабынями. Он призвал их ко двору, велел им одеться по немецкой моде, он сам посылал им

материю на платье, – и женщины тотчас же полюбили новый образ жизни, столь благоприятствовавший развитию их вкуса, тщеславия и страстей, и заставили полюбить его и мужчин.

Преобразования облегчались тем обстоятельством, что существовавшие нравы не соответствовали климату страны и были занесены в нее смешением разных народов и завоеваниями. Петр I сообщил европейские правы и обычаи европейскому народу с такой легкостью, которой он и сам не ожидал. Власть климата сильнее всех иных властей.

Итак, он не нуждался в законах для изменения нравов и обычаев своего народа; было бы достаточно, если бы он сообщил этому народу другие нравы и другие обычаи.

Народы, как правило, очень привязаны к своим обычаям, и лишать их этих обычаев при помощи насилия значит делать их несчастными: поэтому надо не изменять обычаи народа, а побуждать народ к тому, чтобы он сам изменил их.

Всякое наказание, не обусловленное необходимостью, есть тирания. Закон не есть простое проявление силы; вещи, по своей природе безразличные, не входят в круг его компетенции.

ГЛАВА XV

Влияние домашнего управления на политическое

Это изменение нравов женщин окажет, без сомнения, сильное влияние на правление Московского государства. Все тесно связано между собой; деспотизм государя естественно соединяется с рабством женщин, а свобода женщин – с духом монархии.

ГЛАВА XVI

Как некоторые законодатели смешали принципы, управляющие людьми

Нравы и обычаи суть порядки, не установленные законами; законы или не могут, или не хотят установить их.

Между законами и нравами есть то различие, что законы определяют преимущественно действия гражданина, а нравы – действия человека. Между нравами и обычаями есть то различие, что первые регулируют внутреннее, а вторые – внешнее поведение человека.

Иногда в государстве эти вещи смешиваются. Ликург составил один общий кодекс законов, нравов и обычаев; то же самое сделали и законодатели Китая.

Нет ничего удивительного в том, что законодатели Лакедемона и Китая смешали законы, нравы и обычаи; ведь в нравах проявляются законы, а в обычаях – нравы.

Главной целью китайских законодателей было стремление обеспечить своему народу спокойную жизнь. Они желали, чтобы люди питали большое уважение друг к другу; чтобы каждый ежеминутно чувствовал, сколь многим он обязан другим; чтобы не было гражданина, который не зависел бы в каком-нибудь отношении от другого гражданина. Поэтому они уделили самое большое внимание правилам вежливости.

Поэтому у китайских народов деревенские жители соблюдают между собою такие же церемонии, как люди высокого звания. Это – средство, весьма пригодное для того, чтобы внушать кротость, поддерживать мир и порядок в народе и противодействовать порокам, происходящим от крутого нрава. В самом деле, освобождать себя от соблюдения правил приличия – не значит ли искать средства для свободного проявления своих недостатков?

Правила приличия в этом отношении лучше утонченной учтивости. Учтивость побуждает нас льстить чужим порокам, а правила приличия не дозволяют нам выставлять напоказ наши собственные пороки; это – преграда, которую люди возводят между собою, чтобы помешать себе развращать друг друга.

Ликург, установления которого были очень суровы, формируя народные обычаи, не ставил своей целью создать правила приличия; его целью был тот воинственный дух, который он хотел внушить своему народу. Люди, которые постоянно исправляли других и которых постоянно исправляли, люди, которые всегда поучали и которых всегда поучали, – эти простые и суровые люди в своих взаимоотношениях более соблюдали правила добродетели, чем правила приличия.

ГЛАВА XVII

Особенные свойства правления в Китае

Законодатели Китая пошли еще дальше: они смешали воедино религию, законы, нравы и обычаи, – все это стало моралью, все это стало добродетелью. Правила, относившиеся к этим четырем пунктам, составили то, что было названо обрядами. Неуклонное исполнение этих обрядов и было торжеством китайского правления. Люди проводили всю свою молодость в изучении их, и всю свою жизнь – в их исполнении. Ученые преподавали эти обряды, чиновники их проповедовали. И так как они обнимали все малейшие житейские дела,

то, раз было найдено средство заставить выполнять их в точности, Китай оказался хорошо управляемой страной.

Два обстоятельства могли легко запечатлеть эти обряды в сердце и уме китайцев: одно заключалось в их способе письма, настолько сложном, что значительная часть жизни человека посвящалась исключительно этим обрядам, потому что ему надо было сначала научиться читать, а затем прочесть книги, в которых они изложены; другое обстоятельство заключается в том, что правила обрядов, не имеющие в себе ничего духовного, но состоящие из простых предписаний обыденной практики, легче могли убеждать и поражать умы, чем предметы более отвлеченные.

Государи, которые вместо того, чтобы управлять при помощи обрядов, управляли силой казней, захотели предоставить казням совершить то, чего они не могут сделать, а именно – создать нравы. Казни могут, конечно, устранить из общества гражданина, который, утратив добрые нравы, нарушает законы; но если добрые нравы утрачены всеми, то можно ли восстановить их посредством казней? Казни, конечно, могут предупредить многие последствия общего зла, но самого зла они не исправят. Поэтому, когда основные начала китайского правления были отвергнуты и нравственность его утрачена, государство впало в анархию и начались революции.

ГЛАВА XVIII

Следствие, вытекающее из предыдущей главы

Из этого следует, что Китай не утрачивает своих законов вследствие завоевания. Обычаи, нравы, законы и религия составляют в нем одно нераздельное целое, и изменить все это сразу нельзя. Но так как необходимо, чтобы изменился или победитель, или побежденный, то в Китае этой необходимости всегда подчинялся победитель: у него никогда не было такого тожества между нравами и обычаями, между обычаями и законами, между законами и религией, и ему легче было мало-помалу приспосабливаться к побежденному народу, чем побежденному народу – к победителю.

Отсюда вытекает весьма печальное следствие, а именно, что христианство не имеет почти никакой возможности когда-либо утвердиться в Китае. Обеты безбрачия, присутствие женщин в церкви, их необходимое общение со служителями религии, их участие в таинствах, их исповедь на ухо священнику, соборование, единоженство – все это разрушает нравы и обычаи Китая, нанося одновременно удар и его религии, и его законам.

Христианская религия своими делами благотворительности, своим общим для всех богослужением и таинствами, кажется, хочет все соединить; обряды китайцев как бы предписывают все разъединять и разлучать.

И так как мы уже видели, что это стремление к разъединению составляет вообще характерное свойство духа деспотизма, то мы находим здесь одну из причин, по которым монархическое правление и всякое умеренное правление лучше всего сочетаются с христианством.

ГЛАВА XIX

Каким образом произошло у китайцев это объединение религии, законов, нравов и обычаев

Главной целью законодателей Китая было спокойствие империи. Лучшим средством для этого они сочли подчинение. Исходя из этого представления, они нашли должным внушать почтение к родителям и сосредоточили на этом все свои силы. Они ввели бесчисленные обряды и церемонии для воздаяния им почестей как при жизни, так и после смерти. Но такое почитание умерших неизбежно должно было повлечь за собой подобное же почтение к живым. Церемонии в честь умерших родителей были скорее делом религии; церемонии же в честь живых родителей были скорее делом законов, нравов и обычаев; но и те, и другие были лишь частями одного и того же кодекса, а кодекс этот был очень обширен.

Почтение к родителям по необходимости распространялось на всех, кто мог быть отнесен к их числу: на старцев, господ, начальников, императора. Это почтение к родителям предполагало в свою очередь любовь к детям, и, следовательно, такую же любовь стариков к молодым людям, начальников к подчиненным, императора к подданным. Изо всего этого складывались обряды, а из обрядов — общий дух народа.

Теперь не трудно будет заметить то отношение, которое могут иметь к основам государственного строя Китая некоторые, казалось бы, самые безразличные вещи. Это государство построено по образцу семьи. Уменьшить в нем отцовскую власть или даже только отменить церемонии, в которых выражается почтение к этой власти, значит ослабить уважение к начальникам, на которых смотрят, как на отцов; начальники не будут уже заботиться о народах, в которых они должны видеть своих детей; и та любовь, которая существует между государем и подданными, тоже мало-помалу исчезнет.

Отменить один из этих обрядов значило бы поколебать основы государства. По существу не так уж важно, чтобы невестка каждое

утро оказывала те или иные услуги свекрови; но, приняв во внимание, что эти внешние действия постоянно напоминают о чувстве, которое необходимо запечатлеть во всех сердцах и которое должно, охватив все сердца, создать дух, управляющий империей, мы поймем, как необходимо, чтобы продолжало выполняться то или иное определенное действие.

ГЛАВА XX

Объяснение одной странности у китайцев

Нам кажется странным, что китайцы, жизнь которых всецело управляется обрядами, тем не менее являются самым плутовским народом на земном шаре. Это особенно обнаруживается в торговле, которая никогда не могла внушить им свойственной ей идеи добросовестности. Там покупатель должен носить с собой свои собственные весы, так как у каждого купца имеется трое весов: тяжелые – для покупок, легкие – для продажи и верные – для людей осторожных. Я надеюсь, что смогу объяснить это противоречие.

Законодатели Китая преследовали две цели. Они хотели сделать народ покорным и спокойным и в то же время трудолюбивым и изобретательным. Свойства климата и почвы не дают ему верных, обеспеченных средств к существованию, и только усиленным трудом и изобретательностью он может обеспечить свою жизнь.

Когда все повинуются и все работают, государство находится в счастливом положении. Но нужда, а может быть, и природа климата развили у всех китайцев непомерную жажду стяжаний, а законы не позаботились ограничить ее. Там все запрещено, когда дело идет о приобретении насилием, и все дозволено, когда дело идет о приобретении посредством хитрости или обмана. Не будем же сравнивать китайскую мораль с европейской. В Китае каждому приходилось не упускать из виду того, что ему полезно; если обманщик соблюдал свои выгоды, то обманутый должен был подумать о своих. В Лакедемоне было дозволено воровать; в Китае дозволяется обманывать.

ГЛАВА XXI

Каково должно быть отношение законов к нравам и обычаям

Только весьма своеобразные учреждения смешивают подобным образом такие естественно разделенные вещи, как законы, нравы и

обычаи; но и там, где они разделены, между ними все же сохраняется самая тесная связь.

Когда Солона спросили, дал ли он афинянам лучшие из всех законов, он отвечал: «Я дал им лучшие из тех, которые они могли вынести». Вот прекрасные слова, которые должны принять к сведению все законодатели. Когда божественная премудрость сказала еврейскому народу: «Я дал вам правила, которые не хороши», то это значило, что они были хороши только в относительном смысле. В этом заключается ключ к пониманию всех затруднений, которые могут быть вызваны законами Моисея.

ГЛАВА XXII

Продолжение той же темы

У народа с хорошими нравами законы отличаются простотой. Платон говорит, что Радамант, управлявший народом чрезвычайно религиозным, быстро оканчивал все процессы, отбирая лишь у тяжущихся показания под присягой по каждому пункту их дела. Но тот же Платон говорит, что если народ не религиозен, то присягой следует пользоваться только в том случае, когда присягающий – лицо незаинтересованное, каковы судья и свидетели.

ГЛАВА XXIII

Как законы следуют за нравами

Пока у римлян не были испорченные нравы, они не имели особого закона против казнокрадства. Когда же это преступление начало появляться, оно показалось до такой степени позорным, что присуждение возвратить похищенное почиталось величайшим наказанием. Об этом свидетельствует суд Сципиона <…>

ГЛАВА XXVI

Продолжение той же темы

Закон Феодосия и Валентиниана заимствовал причины развода из древних нравов и обычаев римлян. К этим причинам он отнес действие мужа, который наказал бы свою жену недостойным для свободнорожденного человека образом. Эта причина была опущена в последующих законах, потому что нравы в этом отношении уже изменились; обычаи Востока заняли место европейских. Из истории известно, что главный евнух императрицы, жены Юстиниана II, угро-

жал ей тем наказанием, которым наказывают детей в школах. Только уже установившиеся или близкие к тому, чтобы установиться, нравы способны навести на подобную мысль.

Мы видели, как законы приспосабливаются к нравам; посмотрим теперь, как нравы приспосабливаются к законам.

ГЛАВА XXVII

Каким образом законы могут способствовать образованию нравов, обычаев и характера народа

Обычаи рабского народа составляют часть его рабства; обычаи свободного народа составляют часть его свободы.

В книге одиннадцатой[98] я говорил о народе свободном и указал на принципы его государственного строя. Посмотрим теперь, какие результаты должны были проистекать из этого строя, какой характер мог сложиться под его влиянием, какие обычаи были им порождены.

Я не говорю, что большая часть законов, нравов и обычаев такого народа не была произведена климатом, но хочу только сказать, что его нравы и обычаи должны быть тесно связаны с его законами.

Так как у этого народа имеются две видимые власти — законодательная и исполнительная — и так как каждый гражданин обладает там собственной волей и может распоряжаться своей независимостью, как ему угодно, то большая часть людей будет там предпочитать какую-нибудь одну из этих властей « по той причине, что у большинства обыкновенно не хватает ни справедливости, ни рассудка, чтобы равно оценить обе.

И так как исполнительная власть, располагающая всеми должностями, может там возбуждать большие надежды народа, не внушая страха, то на ее стороне окажутся все, кого она удовлетворила, и против нее выступят все те, кому нечего от нее ожидать.

Так как там предоставлена свобода всем страстям, то ненависть, ревность, зависть, жажда обогащения и отличий обнаружатся во всей своей силе. Если бы этого не произошло, то государство уподобилось бы изнуренному болезнью человеку, у которого нет страстей, потому что нет совсем и сил.

Взаимная ненависть обеих партий там никогда не прекратится, потому что она всегда будет бессильна.

Эти партии состоят из людей свободных; поэтому если бы одна из них слишком взяла верх над другой, то свобода стала бы действовать для понижения первой, а граждане подобно рукам, помогающим телу, старались бы приподнять другую.

Так как в этом народе каждая отдельная личность, пользуясь своей независимостью, может беспрепятственно предаваться собственным причудам и прихотям, то люди часто будут переходить из одной партии в другую, покидая ту, где находятся их друзья, чтобы примкнуть к противоположной, где они найдут всех своих врагов, и в этом народе часто будут нарушаться законы и дружбы, и ненависти.

Монарх будет там находиться в положении частного лица и вопреки обычным правилам благоразумия часто окажется вынужденным доверяться тем, которые его всего более оскорбляли, и лишать своей милости тех, которые всего лучше ему служили, делая под давлением необходимости то, что другие государи делают по свободному решению.

Народ там будет постоянно опасаться упустить благо, которое он чувствует, хотя и не имеет о нем определенного представления, и которое от него могли бы скрыть, а страх всегда все преувеличивает. Народ будет тревожиться за свое положение и считать его опасным чаще всего в самое безопасное время.

Такое положение будет усугубляться тем, что лица, которые всего сильнее противятся исполнительной власти, не желая обнаружить корыстных мотивов своего сопротивления, станут увеличивать опасения народа, который никогда не будет знать, наверное, находится ли он в опасности или нет. Впрочем, эти опасения помогут народу избежать и действительных опасностей, которым он впоследствии мог бы подвергнуться.

Между тем законодательное собрание, пользуясь доверием народа и обладая большим образованием, может рассеять внушенные ему дурные впечатления и успокоить его волнения.

В этом состоит большое преимущество такого образа правления перед древними демократиями, где народ обладал непосредственною властью и где поэтому возбужденные ораторами народные волнения всегда оказывали свое действие.

Здесь же все беспредметные страхи, внушенные народу, не производят ничего, кроме пустого крика и брани, и даже приносят пользу, напрягая все пружины правления и сосредоточивая внимание всех граждан. Но если бы народные страхи были порождены ниспровержением основных законов, то они явились бы силой глухой, пагубной, ужасной и повели бы к катастрофам.

Тогда вскоре водворилась бы страшная тишина, во время которой все соединилось бы против власти, нарушившей законы.

Если в то время, когда опасения народа не имеют определенной причины, какая-нибудь иностранная держава станет угрожать государству, подвергая опасности его богатство или славу, то мелкие ин-

тересы умолкнут перед более важными, и все силы объединятся, чтобы поддержать исполнительную власть.

Если же иностранная держава станет угрожать государству в такое время, когда в нем происходят раздоры, возникшие вследствие нарушения его основных законов, то в государстве произойдет переворот, который не изменит ни формы его правления, ни его основных законов, потому что переворот, произведенный свободой, есть лишь утверждение свободы[100].

У свободного народа может быть освободитель; у народа порабощенного может быть только новый притеснитель, ибо каждый человек, достаточно сильный для того, чтобы изгнать деспота, достаточно силен и для того, чтобы самому стать деспотом.

Для того чтобы пользоваться свободой, надо, чтобы каждый мог говорить то, что он думает; для того чтобы сохранить свободу, опять-таки надо, чтобы каждый мог говорить то, что он думает; поэтому гражданин такого государства будет говорить и писать обо всем, о чем не запрещено говорить и писать прямым постановлением законов.

Такой народ будет находиться в постоянно возбужденном состоянии; поэтому он будет более руководствоваться своими страстями, чем доводами рассудка, которые никогда не производят большого действия на умы. В результате лица, управляющие им, легко смогут вовлекать его в дела, противные его истинным интересам.

Такой народ будет страстно любить свою свободу, потому что это свобода истинная; и может случиться, что для защиты ее он пожертвует своим имуществом, своим благосостоянием, своими интересами, что он обложит себя такими высокими налогами, какими не решится обременить своих подданных даже самый неограниченный самодержец.

Но так как этот народ будет иметь ясное сознание необходимости нести такие тяготы и будет уплачивать налоги, твердо надеясь, что вскоре ему уже не придется их платить, то бремя налогов покажется ему легче, чем оно есть на самом деле; между тем, в других государствах[101], наоборот, налоги кажутся гораздо тяжелее, чем они есть в действительности.

Такой народ обладает верным кредитом, так как он занимает у самого себя и самому же себе уплачивает долги[102].

Может случиться, что он затеет предприятия, превышающие его естественные силы. и употребит для борьбы со своими врагами огромные фиктивные богатства, которые сила доверия и природа правления обратят в реальные богатства.

Для защиты своей свободы это государство будет делать займы у своих подданных, а его подданные, зная, что кредит его погибнет, если оно будет завоевано, почерпнут в этом сознании новое побуждение к усилиям для защиты его свободы.

Если бы этот народ жил на острове, то он не стал бы заниматься завоеваниями, так как завоеванные земли, отрезанный от метрополии, могут лишь его ослабить. Если бы почва этого острова была плодородна, то он еще менее стал бы думать о завоеваниях потому, что не нуждался бы в войне для своего обогащения. И так как ни один гражданин этого государства не находился бы в подчинении у другого гражданина, то каждый более дорожил бы своей свободой, чем славой нескольких граждан или одного человека.

Там на военных стали бы смотреть как на людей, занимающихся ремеслом, которое может быть полезно, но нередко и опасно, как на людей, услуги которых слишком дорого стоят для всей нации; поэтому люди гражданского звания были бы у этого народа в большем почете.

Этот народ, которому мир и свобода доставили бы довольство, освободившись от разрушительных предрассудков, получил бы склонность к занятию торговлей. Если бы у него были какие-либо естественные богатства, служащие для изготовления ценных изделий ремесла, то он мог бы устроить заведения, которые дали бы ему возможность использовать этот дар небес в полном объеме.

Если бы этот народ жил ближе к северу и имел большое количество излишних для него товаров, то, нуждаясь и сам во множестве товаров, в которых ему отказано климатом, он по необходимости завел бы обширную торговлю с народами юга и, избрав благоприятные для этой торговли государства, стал бы заключать выгодные для обеих сторон договоры с избранными им народами.

В государстве, где, с одной стороны, царит полнейшее изобилие, а с другой — существуют чрезвычайно высокие налоги, люди с ограниченным состоянием не могут жить без определенного занятия. Поэтому многие будут там покидать родину под предлогом путешествий или необходимости поправки здоровья, чтобы искать счастья даже в таких странах, где господствует рабство.

У торгового народа есть бесчисленное множество мелких частных интересов, а следовательно, и тысячи возможностей для разных столкновений, в которых то он сам обижает других, то его обижают. Поэтому он становится в высшей степени завистливым и даже больше огорчается чужим благосостоянием, чем радуется собственному.

Законы этого народа, в общем мягкие и необременительные, могут быть настолько суровыми в отношении торговли и мореплавания, как будто он торгует только с неприятелями.

Если этот народ станет основывать колонии в отдаленных странах, то он будет при этом иметь в виду не столько распространение своего владычества, сколько расширение своей торговли.

Следуя общей наклонности вводить в чужих странах свои собственные порядки, он установит в своих колониях свою собственную фор-

му правления; и так как это правление приносит с собой благосостояние, то даже в лесах, которые он заселит, образуются многочисленные народы.

Могло быть, что он некогда подчинил своей власти какую-нибудь соседнюю нацию[103], которая возбуждает его зависть своим положением, удобствами своих гаваней и своими природными богатствами. В таком случае, хотя он и даст ей свои собственные законы, он будет держать ее в величайшем подчинении, так что граждане покоренного им государства будут пользоваться свободой, а само государство будет находиться в рабстве.

Покоренное им государство получит очень хорошее гражданское управление, но будет стеснено обременительным международным правом. Его отношения к другим народам будут определены такими законами, которые сделают его благополучие непрочным, так что из него будет извлекать пользу только его господин.

Господствующий народ, обитающий на большом острове и обладающий обширной торговлей, будет иметь благоприятные условия для создания морских сил. Так как охранение его свободы требует, чтобы у него не было ни укрепленных городов, ни крепостей, ни сухопутных армий, то ему нужен будет военный флот, чтобы обеспечить себя от вторжений; и его флот будет сильнее, чем у всех других держав, которые вынуждены тратить большую часть своих средств на содержание сухопутных войск и потому не могут уже много тратить на морские силы.

Владычество над морями всегда внушает естественную гордость народам, которые им обладают. Сознавая, что они могут повсюду чинить насилия, они воображают, что их власть безгранична, как океан.

Такой народ может оказывать большое влияние на дела своих соседей. Так как он не пользуется своим могуществом для завоеваний, то его дружбы будут искать, а его ненависти — опасаться более, чем можно было бы, невидимому, этого ожидать ввиду частых перемен в его правлении и волнений в народе.

Все это определит судьбу исполнительной власти этого народа: она будет постоянно подвергаться тревогам внутри государства и пользоваться уважением за его пределами.

Если бы этому народу пришлось по тому или иному случаю играть центральную роль в общеевропейских переговорах, то он внес бы в эти переговоры несколько более честности и прямоты, чем другие народы, по той причине, что его министры, будучи обязаны отдавать отчет о своем поведении перед народным собранием и не имея вследствие этого возможности держать в тайне свое поведение при этих переговорах, были бы вынуждены явиться в них немного более честными.

Сверх того, так как на них лежала бы в известном смысле ответственность за события, которые могли быть следствием их двуличного поведения, то самый прямой путь оказался бы для них и самым безопасным.

Если дворянство пользовалось когда-нибудь в этом народе чрезмерной властью, а монарх нашел средство ограничить его, возвышая народ, то рабство достигло бы высшей точки в период между моментом принижения дворян и тем, когда народ начал ощущать свою силу.

Могло быть, что этот народ, некогда подчиненный произвольной власти[104], сохранил в некоторых случаях следы своего прежнего подчинения, так что на фоне его свободного правления часто виделись бы формы неограниченного правления.

Что же касается религии, то, так как в этом государстве каждый гражданин обладает собственной волей и, следовательно, руководствуется собственным разумом или собственной фантазией, отсюда произойдет, что люди либо будут питать большое равнодушие к всякого рода вероисповеданиям, вследствие чего они станут придерживаться вероисповедания господствующего, либо проникнутся рвением к религии вообще, вследствие чего среди них размножатся религиозные секты.

Возможно и то, что в этой стране окажутся люди, которые совсем не имеют религии, но которые, однако, не потерпят, чтобы их заставили изменить ту, которая у них могла бы быть, ибо в таком случае они почувствовали бы, что их имущество и жизнь столь же мало принадлежат им, как и их образ мыслей, и что тот, кто может лишить их одного, без труда сможет отнять у них и другое.

Если бы между различными религиями была там такая[105], которую пытались водворить при помощи рабства[106], то она возбудила бы общую ненависть; потому что мы судим о вещах по тем отношениям и побочным обстоятельствам, которые связываем с ними; а такая религия никогда не явится уму в связи с представлением о свободе.

Законы, изданные против тех, кто исповедует эту религию, не были бы жестокими, так как свобода не изобретает такого рода кар. Но они были бы там столь тягостны, что причинили бы все то зло, которое только можно причинить с полным хладнокровием.

Может случиться по тысяче причин, что духовенство будет там пользоваться гораздо меньшим доверием, чем прочие граждане; поэтому вместо того чтобы отделяться от них, оно предпочтет нести такие же повинности, как и люди светского звания, составляя с ними в этом отношении как бы одно сословие; но, стараясь всегда привлечь к себе уважение народа, оно будет отличаться более скром-

ным образом жизни, более строгим поведением и более чистыми нравами.

Это духовенство, не будучи в состоянии ни покровительствовать религии, ни само пользоваться ее покровительством, за невозможностью принуждать будет стараться действовать убеждением, вследствие чего из-под его пера выйдут прекрасные сочинения, имеющие целью доказать истинность откровения и промысла высшего существа.

Может статься, что люди будут избегать его собраний, что ему даже не захотят позволить исправлять свои злоупотребления и в опьянении свободой предпочтут оставить его преобразование незавершенным, чем позволить ему стать преобразователем.

Высшие должности, составляющие существенный элемент государственного строя, будут здесь более устойчивы, чем в других странах; но, с другой стороны, люди знатные в этой стране свободы будут ближе к народу; так что тут сословия будут более отдалены друг от друга, а между личностями будет существовать более близкое общение.

Лица, управляющие государством, обладая властью, которая, так сказать, ежедневно обновляется и преобразуется, станут более дорожить людьми, которые им полезны, чем теми, которые их забавляют; так что тут мало будет придворных, льстецов, угодников, наконец, всякого сорта людей той породы, которая заставляет вельмож платить себе даже за пустоту своего ума.

Там будут почитать людей не за их внешние таланты и свойства, но за их действительные качества; а таких качеств имеется всего два: богатство и личное достоинство.

Там водворится роскошь, солидная, основанная на утонченном удовлетворении реальных нужд, а не на тщеславии, и люди не станут искать в вещах иных наслаждений, кроме тех, которые вложены в них самой природой.

Там будут пользоваться большим избытком, и все же предметы суетных удовольствий будут там запрещены; вследствие этого многие люди, имея больше богатства, чем возможностей его тратить, будут употреблять его на разные причуды, и у этого народа будет более ума, чем вкуса.

Так как люди будут там всегда заняты попечением о собственных выгодах, то у них не разовьется той вежливости, которую порождает праздность, да у них и не хватит времени для этого.

У римлян эпоха вежливости была вместе с тем эпохой установления господства произвола. Абсолютное правление производит праздность, а праздность порождает вежливость.

Чем больше в народе людей, которые должны угождать и нравиться

друг другу, тем более он вежлив. Но то, что должно отличать нас от варварских народов, состоит не столько в учтивых манерах, сколько в добрых нравах.

В народе, где все мужчины по-своему принимают участие в управлении государством, женщины должны мало бывать в обществе мужчин; поэтому они будут скромны, т.е. робки, и эта робость составит их добродетель; между тем как мужчины, не привыкшие к тонкому обращению, станут предаваться распутству, которое позволит им сохранить свою свободу и даст им возможность распоряжаться своим досугом по собственному усмотрению.

Так как законы там одинаковы для всех, то каждый будет смотреть на себя, как на монарха, и представители этого народа будут между собой скорее союзниками, чем согражданами.

Если климат страны, государственный строй которой предоставляет всем участие в управлении и политических интересах, наделил многих ее жителей беспокойным умом и обширными замыслами, то в этой стране станут много рассуждать о политике и явятся люди, которые станут проводить свою жизнь в предугадывании таких событий, которые по природе вещей и капризам судьбы, т.е. людей, предсказать невозможно.

В свободной стране очень часто бывает безразлично, хорошо или дурно рассуждают люди. Важно лишь, чтобы они рассуждали, так как это порождает свободу, которая обеспечивает от дурных последствий этих рассуждений.

Подобным образом в деспотическом правлении и хорошие, и дурные рассуждения одинаково пагубны. Вредно самое рассуждение, так как принцип этого правления подрывается уже тем одним, что там рассуждают.

Многие люди этого народа при отсутствии стремления нравиться кому бы то ни было дадут полную волю своему дурному характеру. Людей, наделенных умом, будет мучить самый их ум, и в своем презрении и отвращении ко всему они станут несчастны, имея столько причин не быть несчастными.

И так как там ни один гражданин не боится никакого другого гражданина, то это будет гордый народ: ведь и гордость самих царей основана лишь на их независимости.

Свободные народы горды, а прочие легче становятся тщеславными.

Но эти столь гордые и занятые собой люди, попав в среду незнакомых им людей, будут робки, и в них вы по большей части увидите тогда странную смесь застенчивости с гордостью.

Характер этого народа более всего обнаруживается в произведениях его ума, в которых видны люди, углубившиеся в себя и много

размышлявшие в уединении.

Общество учит нас замечать смешное; одиночество развивает в нас способность замечать порок. Сатирические произведения этого народа будут отличаться беспощадною резкостью; и вы здесь найдете множество Ювеналов[107], прежде чем вам удастся отыскать хоть одного Горация[108].

В неограниченных монархиях историки изменяют истине, потому что не имеют свободы ее высказать; в государствах чрезвычайно свободных они изменяют истине по причине самой свободы, которая вследствие постоянно производимых ею разделений побуждает каждого становиться таким же рабом предрассудков своей партии, каким он был бы и по отношению к деспоту.

Поэты этого народа будут чаще отличаться оригинальною резкостью выдумки, чем той утонченностью, которая внушается вкусом. Вы найдете в них больше сходства с силой Микеланджело[109], чем с грацией Рафаэля[110].

Примечания*

[92] Войны за испанское наследство.

[93] Конфуций и его школа.

[94] *Мильтон* Джон (1608 – 1674) – английский поэт и публицист, участник английской буржуазной революции XVII в. Его публицистические произведения наполнены духом революционного патриотизма. В «Иконоборце» он проводит идею права народа привлекать к суду монарха и даже казнить его. Защищая установление республиканского строя в Англии, Мильтон, однако, был против дальнейшего развития революции.

Мильтон – идеолог английского пуританизма, он проповедовал принципы нравственного совершенствования и религиозного воспитания. Взгляды Мильтона оказали влияние на французское просветительство XVIII в., в том числе и на Монтескье.

[95] Т.е. германцы.

[96] Монтескье говорит здесь о туземных народах Америки.

[97] *Григорий Турский* (ок. 540 – 594) – историк. Главное его произведение «История франков» в 10 книгах является одним из основных источников для изучения истории франков в V– VI вв., в период Меровингов. Труды Григория Турского не отличаются, однако, достоверностью: в некоторых случаях в интересах католической церкви он фальсифицировал факты.

[98] В VI главе XI книги. В ней Монтескье говорит об английском народе.

[99] Здесь автор намекает на две английские буржуазные партии:ториев и вигов.

[100] Намек на влияние Людовика XIV на английский двор и на изгнание Якова II.

[101] Намек на Францию XVIII в.

---

* Примечания, имеющиеся в настоящем издании, составлены Р.С.Миндлиной.

[102] Автор имеет в виду займы и государственный долг.

[103] Имеется в виду Ирландия.

[104] Во времена царствования Тюдоров.

[105] Монтескье намекает на католицизм.

[106] Т.е. посредством насилия или несправедливых законов.

[107] *Ювенал Децим Юний* (ок. 60 – 140) – древнеримский поэт-сатирик. Ювенал бичевал пороки римского общества, высмеивал высокопоставленных лиц и императоров. Наряду с этим он рисовал картину безотрадной жизни низших классов, пребывавших в нищете и бесправии.

[108] *Гораций Флакк Квинт* (65 – 8 до н. э.) – выдающийся римский поэт. В ранних лирических стихах (эподах) Горация видны республиканские тенденции, но затем он становится идеологом политики Августа. Угодничество Горация, «ползающего на брюхе перед Августом», – отмечал Энгельс, Сатиры и эподы, в которых Гораций отражает современные ему события, изящны по форме и отличаются тонким юмором.

[109] *Микеланджело Буонарроти* (1475 – 1564) – выдающийся итальянский скульптор, художник, архитектор и поэт эпохи Возрождения; создатель ряда монументальных произведений искусства, насыщенных глубокой выразительностью, гуманизмом и верой в человека. Одно из лучших его творений – статуя Давида – изображает народного борца, готового умереть за интересы родины.

[110] *Рафаэль Санти* (1483 – 1520) – гениальный итальянский художник эпохи Возрождения, гуманист, автор выдающихся творений, оставивших глубокий след на всем последующем развитии живописи. Отличительная черта его картин – благородная простота, которую отметил Монтескье, когда писал о художественной манере Рафаэля. Его мадонны необычайно просты и вместе с тем изящны, гармоничны. В них выражен идеал материнства. Среди них – шедевр мирового искусства «Сикстинская мадонна».